

Ю. Крочак

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ «ЭСТЕТИЧЕСКОЙ САМОВЫТНОСТИ» ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Искусство слова, в первую очередь слова письменного, в его не-утилитарном измерении принадлежит сфере эстетики, понимаемой как всякая сознательная деятельность человека, которая передает и выражает определенные идеи и эмоции и результатом которой является духовное (метафизическое) удовлетворение. В таком ключе эстетику понимали выдающиеся русские мыслители, прежде всего Алексей Лосев и Дмитрий Лихачев, а также их ученики: Сергей Аверинцев и Виктор Бычков. Они рассматривали древнерусскую культуру и в частности ее письменность в рамках «раскрытия ее эстетической самобытности»² или «анализа ее эстетической специфики»³. Поэтому с определенной точки зрения история культуры Древней Руси будет историей формирования эстетических феноменов, отношений и опытов, которые вызвало к жизни христианство: неотделимые друг от друга христианское слово и христианский образ.

Древнерусская литература дает изобилие примеров подобного толкования эстетической (неутилитарной) функции «слова». К примеру, в «Изборнике 1076 года» можно найти мысль, что чтение книг необходимо для праведной жизни: «полезно, братья, чтение книг каждому христианину... Ни корабля без гвоздей не сделать, ни пра-

¹ Данная статья является частью исследовательского проекта, финансируемого из средств Национального Научного Центра Польши (Narodowe Centrum Nauki), номер постановления: DEC-2016/21/D/HS1/03396.

² Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 356.

³ Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М., 1995. С. 11. См. также: Бычков В.В. Эстетическое сознание Древней Руси. М., 1988. С. 8; Аверинцев С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи / Ред. Г. В. Попов. М., 1975. С. 375.

ведника – без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника – чтение книг»¹. Похожую мысль высказывает летописец в статье под 6545/1037 годом: «велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание»². «Книжное знание» слаще, чем мед, утверждали Кирилл Туровский и Даниил Заточник³. Оно облагораживает душу, ум и сердце. Человек, который обретает книжное знание, становится расположенным к принятию Божьей благодати. Эстетическая функция слова отождествлена тут с его этической функцией, красота «книжного знания» одновременно является добротолубием (любовью к доброте), нравственной, практической мудростью.

Искусство слова в значении «риторика, красноречие» ассоциировалось иногда с греческой, языческой культурой, а потому осуждалось как «хитрость»⁴, то есть софистика; в свою очередь, искусство слова как результат книжного знания оценивалось положительно из-за прямого отношения к христианству. Однако устный (в том числе риторический) и книжный моменты в древнерусской словесности неотделимы друг от друга из-за того, что средневековая литература сливалась с устным творчеством. На эту особенность обратил внимание американский исследователь Уолтер Онг, упоминая важность дебатов и комментариев к Священному Писанию в культуре Средневековья. Книжники и писцы при написании сочинений часто имели в виду их публичное чтение и поэтому писали их риторическим стилем. Лучший пример – «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского († 1055), которое, вероятнее всего, читалось во время освящения Собора св. Софии в Киеве⁵, или «Послание Фомы Климента Смолятича († 1164), читавшееся вслух перед князем.

¹ Изборник 1076 года / Пер. В. В. Колесов // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века / Ред. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. С. 407.

² Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачев. СПб., 1996. С. 204.

³ «Да накаплють ти слаще меду словеса усть моих» (цит. по: *Соколова Л.В.* К характеристике «Слова» Даниила Заточника (реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 252; «Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добръ е книгий разум: сия убо суть сокровища вѣ чныя жизни» (цит. по: *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. М., Л., 1956. С. 340.

⁴ Послание Климента Смолятича / Пер. Н. В. Поньрко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 120–121.

⁵ Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Л., 1925. С. 126. Некоторые исследователи указывают на то, что текст пропове-

Книжный момент в древнерусской словесности естественным образом связан с развитием того, что кембриджский ученый Симон Франклин назвал «технологией письма». Не существовало древнерусской книжности без письменности, а письменности – без христианства. Утверждать так можно потому, что до сих пор нет однозначных, бесспорных доказательств того, что до христианства на Руси была своя система письма: таким доказательством не могут быть ни договоры Руси с греками 912, 945 и 972 гг. (возможно, это сделанные позже переводы с греческого)¹, ни гнездовская надпись, которая может оказаться памятником не русской, а болгарской эпиграфики². Более того, черноризец Храбр, книжник преславской книжной школы, в сочинении «О письменах» сообщает, что славяне-язычники не употребляли букв, а только «черты и резы»³. Первой несомненно древнерусской надписью считается надпись конца X – самого начала XI века на сребреннике Владимира Великого: «Владимир на столе – а се его сребро». Надпись является декларацией, заявляющей о создании нового христианского государства⁴.

Тот же Владимир сразу же после крещения «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное»⁵. Под словами «обучение книжное» подразумевалась, скорее всего, подготовка к церковной службе. Не до конца ясно, была ли эта государственная система достаточной, чтобы воспитать будущих книжников. Российский славист Дмитрий Буланин утверждает, что нет. Государство положило начало этому процессу, но возникновение интеллектуальной элиты необходимо связывать с самостоятельной, «домашней» умственной работой отдельных личностей⁶. В следующем поколении «детей, отданных в обучение книжное», действительно появляются вы-

ди слишком усложненный, чтобы его можно было огласить во время литургии: Иларион мог прочесть сокращенный вариант или вообще не оглашать проповеди, рассчитанной на чтение заинтересованными лицами. См.: Буланин Б.М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков. СПб., 2010. С. 15.

¹ Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление / Ред. И. И. Мещанинов. М., 1936. С. 79–103; Якубинский Л.П. История древнерусского языка. С. 89–91. Ср.: Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005. С. 31–32.

² Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. С. 233–234.

³ Куев К.М. Черноризец Храбр. София, 1967.

⁴ Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. С. 258.

⁵ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачев. СПб., 1996. РМЛ 6496/988.

⁶ Ср.: Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 271.

дающиеся личности, например первый русский митрополит, книжник и монах Иларион († 1055) и один из основателей Киево-Печерской лавры Феодосий Печерский († 1074). В Новгороде Великом происходят похожие события: в Первой Софийской летописи в статье под 6538/1030 годом можно прочесть, что сын Владимира Великого Ярослав Мудрый взял «от старост и попов» триста детей для книжного обучения: «И прииде к Новгороду, собра от старосты и поповыи дети 300 учити книгам»¹. Можно предположить, что среди упомянутых детей могли находиться дьякон Григорий, создатель Остромирова Евангелия (1056/1057), Упырь Лихой, переписчик пророческих книг Ветхого Завета с толкованиями Феодорита Кирского (1047), Кирик Новгородец (1110–1158), а также некоторые авторы надписей на стенах церкви Софии Новгородской. Бремя организации письменной христианской культуры легло именно на них.

Литература, т. е. в условиях Древней Руси прежде всего книжно-религиозная письменность², как форма прекрасного (т. е. предмет исследования эстетики), являлась мощным, но довольно мало-распространенным инструментом в самоосмыслении древнерусской культуры и истории. Поначалу, т. е. в X–XIII вв., слово в письменном виде играло меньшую роль, чем другие искусства (архитектура, скульптура, живопись), из-за недостаточного уровня грамотности населения. На первый взгляд может показаться, что находки археологов в виде надписей на разных предметах – кирпичках, стенах, бе-

¹ Софийская первая летопись. С. 126.

² Тут любопытно заметить, что, по мнению Д. С. Лихачева, в Древней Руси не было противопоставления светской, религиозной и даже народной культуры, поэтому письменность как таковая (кроме, может быть, юридических и административных документов) представляла собой единство, или «двуединство», фольклора и литературы. Народная словесность пользовалась межзаветными, апокрифическими сюжетами, а в книжной письменности были народные вкрапления. Похожие явления замечаем в древнерусской христианской скульптуре, которая не свободна от народных сюжетов. Это своеобразное явление исследователи называют «двоеверием». В Древней Руси сформировалась «культура двоеверия», которая оставляла христианство и язычество открытыми к взаимодействию. См.: *Лихачев Д.С.* Избранное. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. СПб., 1998. С. 19–20; *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 99; *Naumow A.E.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. Wrocław, 1976; *Biblia Slavorum Apocaryphorum. Novum Testamentum* / Red. G. Minczew, M. Skowronek, I. Petrov. Łódź, 2009; *Апокрифы Древней Руси: тексты и исследования.* М., 1997; *Вагнер Ф.К.* Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово. М., 1969. С. 45–53; *Киселева М.С.* Книжность и феномен двоеверия в культуре Древней Руси // *Verbum.* 2000. Т. 3. С. 62–36; *Киселева М.С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000.

рестяных грамотах, деревянных табличках¹ – свидетельствуют об обратном, что некоторая часть населения была грамотной и пользовалась письмом. Однако встречавшееся среди населения умение писать и читать имело, скорее всего, деловое, прикладное, утилитарное предназначение, замкнутое преимущественно в рамках разговорного, естественного, раздробленного на диалекты языка². Разговорно-деловой язык – древнерусский – не был нормирован или кодифицирован, учебников для него не писали, изучали только кириллическую азбуку, о чем свидетельствуют некоторые берестяные грамоты (например № 199–210). В немногих училищах³, которые тогда существовали, обучали, кажется, правилам церковнославянского и, быть может, иногда греческого, поскольку грамматические конструкции этих языков имели точные соответствия, хотя грамматики церковнославянского языка как таковой не существовало. Первая появилась только во второй половине XVI в., автором которой был Мелетий (Смотрицкий).

Языком христианства на Руси был по преимуществу русифицированный церковнославянский (церковнославянский русский извода), который перенял непосредственно из греческого определенный философский заряд, т. е. абстрактные понятия (например: το αγαθόν – благо, πνεύμα – дух, ψυχή – душа и т. п.) Одновременно, кирилло-мефодиевское «терминовтворчество», т. е. классический церковнославянский язык греческих переводов, шло не только через заимствование, калькирование или транспозицию, но также путем осмысления существующих славянских ассоциативных рядов и значений⁴. Речь тут идет, конечно, о языке солунских славян, поэтому в условиях Руси и вообще за пределами Балкан церковнославянский требовал изучения не только грамматического, но и историко-смыслового, ибо, по словам Бориса Успенского, он «понимался на Руси не просто как одна из возможных систем передачи информации, но прежде всего как система символического представления православного вероиспове-

¹ См.: *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 263–269.

² *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси / Пер. Д. М. Буланин. СПб., 2010. С. 480.

³ А. И. Соболевский считал, что училищ в Древней Руси вообще не существовало, а были «мастера», которые преподавали грамоту. См.: *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 32.

⁴ Е. М. Верещагин называет это «ментализацией». См.: *Верещагин Е.М.* У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 105–113.

дания, т. е. как икона православия»¹. Церковнославянский не для всех был интуитивно понятным, а потому не функционировал как средство выражения письменной и устной мысли для большей части населения и даже для низшего духовенства, которое запоминало литургические тексты наизусть². Следовательно, христианская письменность касалась далеко не всех, но идеи, в ней содержащиеся, повлияли в некоторой степени на мировоззрение и мироощущение высшего социального слоя (князей, клира), его практические, общественно-политические решения. Этот тезис подтверждается примерами из жизни и деятельности Андрея Боголюбского и Рюрика Ростиславовича. Князья были известны как люди образованные, культурные, добродетельные и книгочеи. Андрей, кроме чтения книг, сам их писал³, а Рюрик вдохновлялся сочинениями Иоанна Злотоуста⁴ (например, при возведении стены вокруг монастыря архангела Михаила).

В статье под 6683/1175 годом летописец сообщает, что Андрей Боголюбский уподобился царю Соломону и построил в Боголюбове «святая святых» – церковь Рождества Пресвятой Богородицы, более того, обустроил город Владимир и пристроил Золотые Ворота, а также поставил многие монастыри⁵. В статье под 6708/1199 годом сообщается о строительных подвигах Рюрика Ростиславовича.

Книги, христианская письменность – священное писание, переводы творений греческих отцов церкви и творчество древнерусских авторов – открыли князьям «сердце очи»⁶ (нравственное зрение), повлияли на их поведение в отношении к населению, прежде всего к бедным, сиротам, нищим, и на их строительную деятельность.

Упомянутая письменность в условиях Древней Руси развивалась не только на церковнославянском, но и на древнерусском языках, хотя Борис Успенский утверждает, что в Древней Руси существ-

¹ Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. С. 486. См. также: Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Ред. Г. К. Вагнер. М., 1989. с. 227–235; Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Византия и Русь. М., 2002. С. 206–226.

² См.: Franklin S. On the socio-cultural dynamics of written culture in pre-Mongol Rus: The graphic environment and typologies of writing // Verbum. 2000. Т. 3; Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси.

³ См.: Филипповский Г.Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1983. С. 75–84; Погodin М.П. Князь Андрей Боголюбский // ЖМНП. 1849. Ч. 63, отд. 2. С. 145–185.

⁴ ПСРЛ. 1908. Л. 243 об. 6708/1199.

⁵ ПСРЛ. Т. 2, 1908. Л. 206.

⁶ Там же.

вовало яркое противопоставление книжного (церковнославянского) и некнижного (бытового древнерусского) языков, функционировавших на двух независимых уровнях. По его мнению, невозможно было ожидать разговоров на церковнославянском и религиозной письменности на древнерусском. Такую языковую ситуацию Успенский называет диглоссией¹. Олег Трубочев считал такую теорию неверной и предложил понятие «двуязычие», предполагающее естественное влияние языков друг на друга². История научного толкования отношений между церковнославянским и древнерусским языками и образования русского литературного языка начинается уже с XIX в., с трудов Алексея Шахматова. За Шахматовым последовали Сергей Обнорский и Лев Якубинский, которые утверждали, что русский литературный язык образовался на основе живой восточнославянской речи, а не мертвого, лишённого внутреннего развития старославянского языка³. В XX в. защитниками теории Шахматова были Никита Толстой и Николай Трубецкой.

Современные лингвистические исследования памятников древнерусской книжной письменности (например, работы Анатолия Алексеева и Владимира Колесова⁴) указывают, что церковнославянские тексты имеют очень много древнерусских вкраплений, иногда, как в «Житии Феодосия Печерского», церковнославянский и древнерусский являются равноправными формами выражения информации⁵. Более того, древнерусский оказывается не только языком устного, но и литературного творчества, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Слово о полку Игореве» и «Поучение» Владимира Мономаха⁶. Сходный пример можно найти в содержании некоторых берестяных грамот (напр. Торж. 17; № 272), где язык разговорный перемешивается с книжным, церковнославянским. В грамоте конца XII в., найденной в Торжке (№ 17), автор переписал фрагмент церковнославянского «Слова о Премудрости» Кирилла

¹ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 3–10; Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII). М., 2002. С. 32–40.

² Трубочев О.Н. В поисках единства. М., 2005. С. 19–20.

³ См.: Виноградов В.В. История русского литературного языка. М., 1978. С. 65–67.

⁴ Алексеев А.А. Почему в Древней Руси не было диглоссии; Клименко Л.П. История русского литературного языка с точки зрения теории диглоссии; Колесов В.В. Критические заметки о «древнерусской диглоссии» // Литературный язык Древней Руси. Проблемы исторического языкознания. Вып. 3. Л., 1998.

⁵ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.): Учебник. СПб., 2005. С. 153–156.

⁶ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Туровского, но в бытовой орфографии для «домашнего использования»¹. Виктор Виноградов также обращал внимание на «книжно-славянское наслоение» в некоторых других берестяных грамотах (№ 9, 10, 28, 42, 53). Находки археологов указывают на то, что какое-то знание церковнославянского и литературная образованность среди низших социальных слоев были возможны, но следует подчеркнуть, что речь идет тут о высококвалифицированных ремесленниках, обслуживающих нужды церкви и знати². Некоторые надписи на стенах Софии Новгородской также свидетельствуют о том, что их авторы, по преимуществу дьяки, т. е. младшие клирики, и клир вообще довольно хорошо понимали разные уровни языка: от диалектной формы до книжной, от поэтической до литургической³.

Итак, книжную письменность, которая появилась вместе с усвоением христианского мировосприятия, можно назвать наиболее выразительной формой письменного слова. Ее иногда делят на девять основных жанров: скриптурный, литургический, вероучительный, проповеднический, житийный, канонико-юридический, мемориальный, научный и бытовой⁴. Они плавно переходят друг в друга. К примеру, «Слово» Илариона будет одновременно принадлежать к жанру письменности вероучительной и проповеднической, подобное можно сказать и о летописях. В целом, думается, что книжная письменность пыталась осмыслить исторический опыт древнерусского государства в эстетическом и философском ключе, тем самым стремясь создать общенациональную традицию.

Древнерусская книжность выполняла политические и пропагандистские функции, но они не были для нее основными. Основными можно считать функции «неутилитарные»: идейные, религиозные. Крещение Руси подтолкнуло к необходимости сформулировать смысл русской истории и ее цель. Осмысление истории, коллективной и личной жизни происходило на языке христианства и находило выражение в том числе и в письменности.

Неутилитарное измерение христианской письменности проявлялось в начальный период существования Киевской Руси прежде всего в упомянутом осмыслении ее истории: элементы историософии организовали культурную жизнь Древней Руси. Поэтому в

¹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 464–465.

² Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. С. 271–272.

³ Гиппиус А.А., Михеев С.М. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики // XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). М., 2013. С. 152–179.

⁴ Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 5–6.

«книжной топографии древнерусской церковной культуры»¹ особое место занимают летописи, вид книжной письменности, который отчасти дает философское осмысление историческому опыту народа. В научной среде встречается определение летописи как светского творчества, но, по мнению Дмитрия Буланина, это прежде всего «памятник духовной письменности», путь к пониманию которого «лежит через постижение древнейшего корпуса русской религиозной письменности в целом»². Ведь летописец не только хронологически описывает происшествия, но, будучи вовлеченным в описываемые события, осмысляет и эстетизирует их.

Подводя итоги, можно сказать, что адекватно оценить масштаб эстетического влияния христианской книжности, ее важность и диапазон воздействия довольно трудно, но само ее появление означало качественный шаг вперед, ибо до введения христианства письмо как таковое было ограничено прикладными функциями, о чем сообщает «Повесть временных лет» и черноризец Храбр в сочинении «О письменах». Поэтому, с одной стороны, христианская письменность не выполняла массовых общественных функций, у нее была довольно узкая аудитория, которая бы ее понимала, в отличие от пластических искусств и христианских обрядов. Книги переписывались по заказу, мало кто мог приобрести их, а сама литература, прежде всего церковнославянская, нередко была скована строгими схемами и приемами³ (хотя Дмитрий Лихачев считал их проявлением этикета, а не штампов⁴). Из-за дороговизны и художественной ценности книги являлись произведениями искусства⁵, но реально доступ к ним имели только князья и писари-книжники, которые их копировали⁶. Население в массе своей имело, скорее, доступ к христианской «письменности второго разряда», т. е. к надписям в ин-

¹ Пиккио Р. Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 126.

² Буланин Б.М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков. СПб., 2010. С. 21.

³ Пиккио Р. Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси. С. 132–135; Лопутько О.П. О природе устойчивых формул древнерусской письменности // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10 / Ред. М. Ю. Люстров. М., 2000. С. 80–87.

⁴ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 95.

⁵ Напр.: Изборник 1073, Юрьевское Евангелие, Остромирово Евангелие, Мстиславово Евангелие.

⁶ Любопытно, что, по расчетам исследователей, количество книг души населения было довольно большим. Б. В. Сапунов утверждал, что в Древней Руси XI–XIII вв. в обращении находилось около ста сорока тысяч книг нескольких сот названий, что свидетельствует о высоком развитии культуры и грамотности. См.: Сапунов Б.В. Книга в России XI–XIII вв. Л., 1978. С. 14.

терьере церквей и соборов (на стенах, иконах¹, фресках, мозаиках). Именно они, а не книги, могли давать первое представление о христианском искусстве слова и формировать мировоззрение. С другой стороны, книги являлись хранителями общехристианских сюжетов, знаний о мире, доступ к которым имела узкая, но очень влиятельная группа людей, которая решала общественные задачи. Таким образом христианская письменность дала плоды на практике и впоследствии сказалась на идейно-культурном своеобразии Древней Руси.

¹ См.: *Галченко М.Г.* Надписи на древнерусских иконах XII–XV. М., 1997.